

ПЯТЬ КОНТИНЕНТОВ

СМЕРТСЯ

ГЕНРИХ БЁЛЬ

ФРГ

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

А все не против зверей, совсем наоборот, я к ним очень тепло отношусь, я люблю по вечерам гладить нашу собаку, усадив на колени нашу кошку. Мне приятно смотреть, как дети кормят в углу комнаты черепаху. Даже маленький бегемот, которого мы держим в ванной, занимает уголок в моем сердце, а кролики, свободно разгуливающие по всей квартире, уже давным-давно не волнуют меня. Кроме того, я привык заставлять у себя по вечерам неожиданных визитеров — жалобно попискивающего цыпленка или бездомного пса, которого приютила моя жена. Ибо моя жена — добрая женщина, она никому не отказывает в приюте, будь то человек или зверь, и уже давным-давно в вечерние молитвы наших детей включен следующий перл: «Пошли чам, боже, нищих и зверей».

Гораздс печальнее то обстоятельство, что моя жена не способна оказывать сопротивление также коммивояжерам и разносчикам, поэтому у нас растет гора предметов не первой, на мой взгляд, необходимости: мыло, щетки, бритвенные лезвия и шерсть для штопки, а в ящике стола накапливаются документы, которые вызывают у меня беспокойство, — всякого рода счета и обязательства. Мои сыновья застрахованы на время обучения, мои дочери — до замужества, но мы не можем до самой свадьбы или до конца государственных экзаменов кормить их мылом или штопкой, и даже бритвенные лезвия далеко не всегда полезны человеческому организму. Отсюда понятно, что я время от времени выказываю признаки легкого нетерпения, хотя вообще-то я известен как человек чрезвычайно спокойный. Часто я ловлю себя на том, что с завистью гляжу на кроликов, которые уютно устроились под столом и преспокойно хрупают морковкой, а тупой взгляд бегемота, который разводит плесень в нашей ван-

ной, иногда побуждает меня высунуть ему язык. Даже черепаха, стоически гложущая листья салата, нимало не подозревает, какие заботы волнуют мое сердце: мечта о чашке ароматного кофе, о табаке, хлебе и яйцах, о благодатном тепле, разливающимся после рюмки водки в глотках обремененных заботами людей. Единственная моя отрада — это Белло, наш пес: он воет с голоду точно так же, как и я. А если ко всему еще заявляются нежданные гости — современники, небритые, как и я, мамы с младенцами, которых надлежит поить горячим молоком и кормить размоченными сухарями, — тогда мне остается только собрать все силы, чтобы сохранить спокойствие. Но я сохраняю его, ибо больше мне уже нечего сохранять.

Бывают дни, когда от одного взгляда на только что отваренный желтый картофель у меня текут слюнки, поскольку уже давно — я признаю это с большим трудом, признаю и заливаюсь краской, — уже давно кухня наша не заслуживает звания благопристойной. Окруженные зверьем и гостями человеческой породы, мы просто время от времени устраиваем импровизированные приемы пищи стоя.

К счастью, моя жена на длительный срок лишена возможности приобретать ненужные нам вещи, поскольку наличных денег у нас не осталось, все причитающиеся мне суммы задержаны на неопределенный срок, а сам я вынужден, переодевшись так, чтобы сделать свою внешность неузнаваемой, разъезжать вечерами по пригородам и продавать населению лезвия, мыло и пуговицы по цене, много ниже установленной, ибо наше положение наводит на раздумья. Правда, у нас есть еще несколько центнеров мыла, несколько тысяч лезвий, огромный выбор пуговиц, и добравшись за полночь домой, я выгребаю из кармана деньги, а мои дети, мои звери и моя жена обступают меня с горящими глазами, так как обычно я делаю по пути какие-нибудь закупки: хлеб, кофе, яблоки, жир, картофель — короче, что-нибудь из съестного, чего настоятельно требуют дети и звери; в полночный час вся семья собирается за радостной трапезой; довольные дети и довольные звери окружают меня, жена улыбается мне, мы нарочно распахиваем дверь в ванную, чтобы бегемот не изнывал от одиночества, и его довольное хрюканье доносится к нам из ванной. Обычно в таких случаях жена сознается, что припрятала в чулане какого-нибудь дополнительного гостя, но показывают мне его не раньше, чем мои нервы подкрепятся едой; и вот какие-нибудь робкие, небритые мужчины присаживаются, потирая руки, к нашему столу, а женщины втискиваются на скамейку между детьми и тут же кипятят молоко для ревущих младенцев. Таким же путем меня знакомят и со зверями, которые мне неуютны: чайки, лисицы, свиньи, а однажды мне представили небольшого одногорбого верблюжонка.

— Ну правда, прелесть? — спросила жена, и я был вынужден признать, что верблюд прелестный, и с легкой примесью беспокойства следил, как это животное цвета моих шлепанцев изо всех сил работает челюстями и посматривает на меня своими серыми глазками. К счастью, верблюд прожил у нас всего одну неделю, а дела у меня в ту пору шли хорошо: высокое качество товара и низкие цены принесли мне известность, и я мог иногда продавать предметы, даже не пользующиеся спросом в обычных условиях, как-то: щетки и шнурки для ботинок. Это привело к кажущемуся процветанию, и моя жена — совершенно игнорируя законы экономики — произнесла по этому поводу фразу, которая меня смутила: «Мы на подъеме». Я-то со своей стороны видел, что запасы мыла убывают, что число бритв сокращается и что даже запасы щеток и штопки не внушают теперь уверенности.

И вот однажды вечером, именно в то время, когда мне очень и очень не помешала бы моральная поддержка, мы мирно сидели за столом, но вдруг наш дом задрожал как бы от землетрясения средней силы: закачались картины, пошатнулся стол, и круг жареной колбасы прыгнул с моей тарелки. Я было вскочил, чтобы узнать, в чем дело, но увидел, что дети мои еле удерживаются от смеха.

— Что здесь происходит? — вскричал я и впервые за всю свою богатую приключениями жизнь действительно вышел из себя.

— Вальтер, — тихо сказала жена, отложив вилку, — это просто наш Волло.

Тут она зарыдала, а против слез жены я бессилён, ибо она подарила мне семерых детей.

— Какой Волло? — спросил я устало. И в эту минуту дом опять сотрясся.

— Волло — это слон, который сидит у нас в подвале,— сказала младшая дочь. Сознаюсь, я был ошеломлен, и вы легко поймете причины моего ошеломления. До сих пор мы не давали приюта зверям крупнее верблюда, и я считал, что для слона наша квартира несколько маловата, потому что от благ государственного строительства жилых домов нам пока ничего не перепало.

Жена и дети, ничуть не смутившись, все мне объяснили: обанкротившийся хозяин цирка решил припрятать у нас своего слона. Слон спокойно съехал в подвал по желобу, по которому мы обычно спускали уголь.

— Он свернулся в клубок,— сказал мой старший сын,— он такой умный.

Я не позволил себе усомниться в умственных способностях слона, примирился с его присутствием, и меня торжественно повели в подвал. Слон оказался не особенно большой, он хлопал ушами и, судя по всему, прекрасно себя чувствовал, если учесть, что ему выделили на прокорм целую гору сена.

— Ну правда, прелесть? — спросила меня жена, но я воздержался от ответа. Слово «прелесть» показалось мне неподходящим для слона. И вообще семейство было явно разочаровано моими весьма умеренными восторгами. Выходя из подвала, жена даже упрекнула меня: — Как ты низок! Неужели ты хочешь, чтобы несчастное животное пошло с молотка?

— При чем здесь молоток и при чем низость? Укрывательство предметов, подлежащих продаже с аукциона, карается по закону.

— Мне все равно,— ответила жена,— но животное нужно спасти.

Среди ночи нас разбудил хозяин цирка, робкий темноволосый человек. Он поинтересовался, не можем ли мы дать приют еще одному зверю.

— Это все, что у меня осталось, мое последнее достояние. И всего на одну ночь. А как поживает слон?

— Хорошо,— сказала жена,— вот только его желудок меня беспокоит.

— Это естественно,— ответил хозяин цирка,— перемена обстановки, знаете ли. Ведь звери так восприимчивы. Ну так как же, берете вы мою кису — всего на одну ночь?

Он поглядел на меня, а жена толкнула меня в бок и сказала:

— Не будь таким бессердечным.

— Бессердечным? — повторил я.— Хорошо, я не буду бессердечным. Можешь положить кошку на кухне.

— Она у меня на улице, в машине,— сказал хозяин.

Дальнейшее устройство кошки я предоставил жене и залез обратно в постель. Жена вернулась какая-то бледная, и мне даже показалось, что она слегка дрожит.

— Замерзла? — спросил я.

— Да,— ответила она,— меня почему-то знобит.

— Это от усталости.

— Возможно,— сказала жена и как-то странно на меня взглянула.

Ночь прошла спокойно. Но даже во сне я видел странный взгляд жены и по непонятной причине проснулся раньше обычного. Тогда я решил раз в жизни побриться.

В кухне под столом лежал лев средних размеров: он спокойно спал, только кончик хвоста у него чуть подергивался, производя легкий стук — словно кто-то играл в мяч.

Я осторожно намылился, стараясь по возможности не шуметь, но, когда я повернул голову вправо, чтобы выбрить левую щеку, я увидел, что лев открыл глаза и наблюдает за мной. «Они в самом деле похожи на кошек», — подумал я. Что подумал при этом лев, мне неизвестно, но он продолжал наблюдать за мной, а я продолжал бриться и даже не порезался, хотя должен заметить, что это странное ощущение — бриться в присутствии льва. У меня был самый ничтожный опыт в обращении с хищниками, поэтому я ограничился тем, что пристально взглянул льву в глаза, вытер лицо и вернулся в спальню. Жена уже проснулась и хотела что-то сказать, но я не дал ей раскрыть рта и закричал:

— О чем тут еще говорить?

Тогда жена расплакалась, и я погладил ее по голове и сказал:

— Согласись все-таки, что это немножко странно.

— А что, по-твоему, не странно? — сказала жена, и я не нашелся что ответить.

Меж тем проснулись кролики, в ванной зашумели дети, бегемот — его звали Готлиб — принялся трубить, Волло уже потягивался со сна, и только черепаха продолжала спать — впрочем, она спит почти все время.

Я впустил кроликов в кухню — там у них под шкафом стоит кормушка, — кролики обнюхали льва, лев обнюхал кроликов, а дети — они у меня очень бойкие и привыкли возиться со зверьем — уже давным-давно пробрались в кухню. Мне даже показалось, что лев улыбается: мой третий по старшинству сын тут же придумал для него имя — Бомбилиус. На том и порешили.

Несколько дней спустя льва и слона увезли. Должен признаться, что я не грустил, расставаясь со слоном — он мне казался туповатым: а вот спокойная и приветливая задумчивость льва покорила мое сердце, и отъезд Бомбилиуса меня крайне огорчил. Я очень привязался к нему — он был первым из зверей, кто сумел завоевать мое расположение. С каким бесконечным терпением относился он к детям, какие тесные узы дружбы связывали его с кроликами! Мы даже приучили его питаться кровяной колбасой, а ведь кровяная колбаса относится к разряду мясных кушаний только по наименованию.

Я страдал, когда Бомбилиуса увезли, а вот уход Волло вызвал у меня чувство облегчения. И я прямо сказал об этом жене, когда хозяин грузил зверей на машину.

— О, — воскликнула моя жена, — до чего ты бессердечен!

— Ты находишь? — сказал я.

— Да, по временам ты совершенно бессердечен.

Но сам я в этом далеко не уверен.

Перевод с немецкого С. ФРИДЛЯНД

ПЬЕР ДАНИНОС

■ ФРАНЦИЯ

СНОБЫ И ЛИТЕРАТУРА

— Что вы скажете о книге Гермодора?

— Что она плохая, — ответил Антим.

— Плохая?

— Настолько плохая, что ее и книгой называть нельзя, не то что о ней говорить.

— А вы читали ее?

— Нет, — сказал Антим.

Лабрюйер.

Книга, с которой интеллектуальный сноб прогуливается летом по пляжу, изменяет свой цвет и формат с интервалами довольно неравномерными. Долгое время это была повесть или эссе — неважно какие, но непременно изданные у Галлимара, в белой обложке, с красными буквами названия, в рамочке красной с черным, — или то был объемистый роман в переплете и, разумеется, на английском языке: Джон Дос Пассос или Д. Г. Лоуренс. Марка «НРФ»* до сих пор не утратила определенной привлекательности для эстетов подобного рода (обычно это начинающий писатель, который безмерно пыжится, гордясь самим фактом своего писательства, да так и остается один на один со своей гордыней и своим писательством), но она уже не способна должным образом выразить всю необъятность дистанции, отделяющей нашего

* «НРФ» — начальные буквы слов «Нувель ревью франсез», марка издательства Галлимар. (Прим. перев.)